

> МАГИСТРАЛЬ >

Целый год мы с Титубой прожили в очень тесной близости.

Во время наших бесконечных разговоров она и поведала
мне то, что до сих пор не доверяла никому.

Мариэ Конде

Смерть — это дверь, ведущая к радости,

Жизнь — это озеро, которое топит всех в боли.¹

Джон Харрингтон,

поэт-пуританин XVI века

---

¹ Перевод А. Овчинниковой. — Здесь и далее, кроме отдельно оговоренных случаев, прим. пер.

Часть I

1

Моя мать Абена была изнасилована английским моряком прямо на палубе «*Christ the King*»¹ в один из дней 16... года, когда корабль держал курс к Барбадосу. От этого насилия я и родилась. От поступка, продиктованного ненавистью и презрением.

Когда несколько долгих недель спустя корабль прибыл в порт Бриджтауна, состояния моей матери никто даже не заметил. Скорее всего, не больше шестнадцати лет от роду, она была очень хороша собой: лицо цвета черного гагата, на высоких скулах — тонкий замысловатый рисунок из шрамов, означающих принадлежность к племени; поэтому богатый плантатор по имени Дарнелл Дэвис заплатил за нее очень хорошо. Одновременно с ней он приобрел и двоих мужчин, таких же уроженцев Антильских островов, жертв войны между фанти и ашанти. Он приставил мою мать к своей жене, которой так и не удалось утешиться от того, что покинула Англию; ее состояние, как физическое, так и умственное, требовало постоянных забот. Дэвис думал, что моя мать сумеет петь, чтобы развлечь ее, при необходимости станцует и проделает разные

---

¹ Христа-Вседержителя (англ.).

штуки, на которые, как он полагал, негры большие искусники. Двоих мужчин он отправил на плантацию сахарного тростника, который хорошо продавался, и табачные поля.

Дженнифер, супруга Дарнелла Дэвиса, была едва ли старше моей матери. Ее выдали замуж за этого грубого мужчину, которого она ненавидела и который вечерами оставлял ее одну и отправлялся пьянствовать; к тому же у Дэвиса уже была целая свора ублюдков. Дженнифер с моей матерью оказались связаны узами дружбы. В конце концов, обе они были всего лишь детьми, перепуганными рыками крупных ночных зверей и театром теней цезальпиний, калебасовых деревьев и папуасов с плантациями. Спали они рядом — и моя мать, пальцы которой играли с длинными волосами подруги, рассказывала истории, которые слышала от собственной матери в Акуапиме, своей родной деревне. Она призывала к их изголовью все силы природы, молила, чтобы ночь стала к ним добрее и чтобы кровососы до рассвета не выпили их досуха.

Когда Дарнелл Дэвис заметил, что моя мать беременна, он, подумав о добрых фунтах стерлингов, которые за нее выложил, впал в ярость. И вот, пожалуйста, скоро у него на руках окажется женщина, которой вечно нездоровится и от которой ему не будет никакого толку! Он отказался уступить мольбам Дженнифер и, чтобы наказать мою мать, отдал ее Яо — одному из ашанти, которых купил одновременно с ней. Помимо этого, он запретил матери даже совать нос в хозяйский дом. Яо был молодым воином, не смирившимся с тем, что теперь вынужден сажать сахарный тростник, срезать его и перетаскивать на мельницу. Поэтому он

дважды пытался покончить с собой, разжевывая ядовитые корни. Оба раза его в последний момент спасли и вернули к жизни, которую он ненавидел. Дарнелл надеялся, что, предоставив ему спутницу, он вернет ему и вкус к жизни, таким образом оправдав свои расходы. Какого же дурака он сваял тем июньским утром 16... года, отправившись на невольничий рынок в Бриджтауне! Один раб умер. Второй стремится свести счеты с жизнью. А Абена беременна!

Моя мать вошла в хижину Яо перед вечерней трапезой. Яо лежал, вытянувшись на подстилке, слишком удрученный, чтобы даже думать о еде, и едва проявил интерес к женщине, о прибытии которой ему уже объявили.

Когда Абена появилась, он приподнялся на подстилке и прошептал:

— Akwaba.¹

Затем узнал ее и воскликнул:

— Это ты!

Абена расплакалась. Слишком много бурь разразилось над ней за такую короткую жизнь: родная деревня, сгоревшая дотла, лежащие со вспоротыми животами родители, которые попытались защититься, изнасилование, а теперь ее так жестоко разлучили с нежным созданием, пребывающим в таком же отчаянии, что и она сама.

Яо поднялся на ноги; его голова достала до потолка хижины, этот негр не уступал ростом индейцам племени акома.

— Не плачь. Я тебя не трону. Я не сделаю тебе ничего плохого. Разве мы не говорим на одном и том же

---

¹ Добро пожаловать.

языке? Разве мы не поклоняемся одному и тому же богу?

Затем он опустил взгляд на живот моей матери:

— Это ребенок хозяина, не так ли?

От стыда и горя из глаз Абены хлынули еще более горячие слезы:

— Нет, нет! Но это все равно ребенок белого мужчины.

Она так и стояла перед ним, опустив голову; сердце Яо переполнили огромная жалость и нежность. Ему показалось, что унижение, которое испытала эта молодая женщина, олицетворяет унижение всего его народа — побежденного, разогнанного, проданного с аукциона. Он вытер влагу, струившуюся из ее глаз:

— Не плачь. С сегодняшнего дня твой ребенок мой. Слышишь меня? И горе тому, кто скажет, что это не так.

Абена не переставала плакать. Тогда он приподнял ей голову и спросил:

— Знаешь сказку о птице, которая смеялась над пальмовыми рогатками?

Мать еле заметно улыбнулась.

— Как могу я ее не знать? Это была моя любимая сказка. Ее мне каждый вечер рассказывала мать моей матери.

— И моя тоже... А сказку про обезьяну, которая хотела быть королем зверей? И поднялась она на верхушку ироко¹, чтобы все преклонились перед ней. Но ветка сломалась, и обезьяна оказалась на земле, задницей в пыли...

---

¹ Тропическое дерево *Milicia excelsa*, иначе африканский дуб, африканский тик и др., используется в судостроении, при изготовлении полов и мебели.

Моя мать рассмеялась. Впервые за долгие месяцы. Яо взял узел, который она держала в руке, и собрался положить его в углу хижины. Затем извинился:

— Здесь все грязное, потому что я не чувствовал вкуса к жизни. Для меня она была словно грязная лужа, которую хочется обойти. Теперь, когда ты здесь, все по-другому.

Ночь они провели в объятиях друг друга, как брат и сестра, или скорее как отец и дочь — любящие и целомудренные. Прошла неделя, прежде чем они занялись любовью.

Когда четыре месяца спустя родилась я, Яо и моя мать познали счастье. Грустное счастье раба — неопределенное и вечно находящееся под угрозой, состоящее из почти неосязаемых круп! В шесть часов утра с мачете на плече Яо выходил в поле и занимал место в длинной веренице мужчин в отрепьях, волочивших ноги по тропинкам. В это время моя мать выращивала на их клочке земли помидоры, окру или другие овощи, готовила, кормила тощих домашних птиц. В шесть вечера мужчины возвращались, и женщины окружали их заботой.

Моя мать плакала, что у нее родился не мальчик. Ей казалось, что участь женщин куда горестнее, чем мужчин. Разве они не должны удовлетворять прихоти тех, кто держит их в рабстве, и спать в ненавистных кроватях, чтобы облегчить свою судьбу?

Яо же, напротив, был доволен. Он взял меня в свои большие костлявые руки и помазал мне лоб свежей кровью цыпленка, перед этим закопав послед моей матери под сырным деревом¹. Затем, держа меня

---

¹ Моринда цитрусolistная (*лат.* *Morinda citrifolia*) — небольшое дерево, широко распространенное в Южно-Тихоокеанском регионе.

за ноги, он представил мое тельце четырем сторонам света. Это он дал мне имя: Титуба. Ти-Ту-Ба.

Это не имя народа ашанти. Без сомнения, придумывая его, Яо хотел доказать, что я дочь его решимости и его воображения. Дочь его любви.

Первые годы моей жизни не были отмечены никакими событиями. Я была прелестным пухлым младенцем, молоко матери шло мне на пользу. Затем я научилась говорить и ходить. Я открыла вокруг себя печальную и в то же время восхитительную вселенную. Хижины из высушенной глины, темными силуэтами выделяющиеся на фоне безграничного неба, природная красота растений и деревьев, море и его резкая песнь свободы.

Яо поворачивал мое лицо к морскому простору и шептал мне на ухо:

— Однажды мы станем свободными и со всех сил на крыльях полетим к родной стране.

И натирал мое тело жгутом сушеных водорослей, чтобы спасти от фрамбезии¹.

По правде говоря, у Яо было двое детей: моя мать и я. Для матери он был гораздо больше, чем любовник, — отец, спаситель, убежище!

Когда я обнаружила, что мать меня не любит? Может, достигнув пяти или шести лет. Вовсе не потому, что я была «неудавшейся» — с лицом красноватого цвета и откровенно курчавыми волосами, — а потому, что не переставала вызывать у нее в сознании образ белого, который овладел ею на палубе «Christ

---

¹ Тропическая бактериальная инфекция кожи, костей и суставов.

the King» посреди круга моряков, гогочущих и отпускаяющих похабные шутки. В любое мгновение я напоминала матери о пережитой боли и унижении. Поэтому, когда я изо всех сил прижималась к ней, как это любят делать все дети, она неминуемо меня отталкивала. Когда я обхватывала руками шею матери, та спешила освободиться. Повиновалась моя мать только приказаниям Яо:

— Возьми ее на колени. Поцелуй ее. Приласкай ее...

Однако я не страдала от отсутствия привязанности — Яо любил меня за двоих. Моя маленькая рука в его руке, жесткой и шершавой. Моя крохотная ножка в огромном следе от его ноги. Мой лоб во впадине на его шее.

У жизни была какая-то нежность. Несмотря на запреты Дамена, вечерами мужчины усаживались верхом на тамтамы, а женщины поднимали свои лохмотья, открывая поблескивающие ноги. Они танцевали!

Впрочем, я много раз присутствовала при сценах жестокости и мучений. Мужчины возвращались все в крови; спина и верхняя часть туловища у них были покрыты алыми рубцами. Один из них умер на моих глазах, извергая из себя фиолетовую пену; его похоронили у сырного дерева. После все радовались: он хотя бы освободился, и его ждет скорое возвращение домой.

Материнство и особенно любовь Яо изменили мою мать. Теперь это была молодая женщина, гибкая и отливающая сиреневым, как цветок сахарного тростника. Она обвязывала лоб белым платком, из-под которого сверкали глаза. Однажды она взяла меня за руку, и мы пошли выкапывать клубни ямса на клоч-

ке земли, который хозяин предоставил рабам. Легкий ветерок гнал облака со стороны моря; нежно-голубое небо было словно вымытое. Барбадос, моя родина, — это плоский остров, можно с трудом насчитать лишь несколько разбросанных по нему небольших холмов.

Мы ступили на тропинку, змеившуюся в зарослях гвинейской травы¹, и вдруг услышали сердитый голос. Это был Дарнелл, выговаривавший старшему надсмотрщику. При виде моей матери выражение его лица полностью изменилось. Его черты попеременно выражали боровшиеся внутри него удивление и восторг. Дарнелл воскликнул:

— Это ты, Абена? Ну, вижу, муж, которого я дал, подходит тебе как нельзя лучше. Подойди!

Мать отступила назад так резко, что с ее головы упала корзина, где лежали мачете и калебаса с водой, обычно пребывавшая в равновесии. Калебаса раскололась на три части, пролив содержимое в траву. Мачете воткнулся в землю, леденящий и смертоносный; корзина покатила по тропе, словно убегая от драматической сцены, которой вскоре предстояло разыграться. Охваченная ужасом, я бросилась в погоню за корзиной и в конце концов настигла ее.

Когда я вернулась к матери, та стояла, прислонившись спиной к калебасовому дереву, и задыхалась. Дарнелл стоял менее чем в метре от нее. Он уже сбросил рубашку, расстегнул штаны, открыв взору белизну нижнего белья. Его левая рука шарилась на уровне гениталий. Повернув голову ко мне, мать завопила:

— Мачете! Дай мне мачете!

---

¹ Высокоурожайная кормовая культура.

Я выполнила это так быстро, как только могла, держа огромное лезвие в своих слабых ручках. Она ударила дважды. Медленно, очень медленно белая льняная сорочка окрасилась алым.

Мою мать повесили.

Я видела, как ее тело с разбитым затылком крутится на нижних ветвях сырного дерева.

Она совершила непростительное преступление. Она ударила белого. Нет, она его не убила. В порыве неуклюжей ярости ей удалось лишь слегка порезать ему плечо.

Мою мать повесили.

Смотреть на казнь были созваны все рабы. Когда она испустила дух, из каждой груди вырвалась песнь гнева и возмущения, которую надсмотрщики заглушили сильными ударами кнутов из бычьих сухожилий. Я же, укрывшись между юбок какой-то женщины, чувствовала, что внутри меня что-то затвердевает, будто вулканическая лава, чувство, которое, должно быть, останется со мной навсегда, — смесь ужаса и скорби.

Мою мать повесили.

Когда ее тело закрутилось в пустоте, мне хватило сил потихоньку отойти в сторону, присесть на корточки и тут же опорожнить желудок в траву.

Чтобы наказать Яо за преступление жены, Дарнелл продал его плантатору по имени Джон Инглвуд, жившему с другой стороны пика Хиллаби¹. До места назначения Яо так и не добрался. По дороге ему удалось покончить с собой, проглотив язык.

---

¹ Самая высокая точка острова Барбадос.